

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Хадыров Р.Ю. — К вопросу об институциональном статусе вооруженных сил Таджикистана // Мировая политика. – 2023. – № 2. – С. 1 - 10. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.2.39864 EDN: SOOFOB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39864

К вопросу об институциональном статусе вооруженных сил Таджикистана

Хадыров Равшан Юнусович

кандидат политических наук

аспирант, кафедра кафедре мировых политических процессов, МГИМО

115764, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Москва, 63, оф. Москва

✉ khadyrov.r.u@mail.ru



[Статья из рубрики "Политическая стабильность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.2.39864

EDN:

SOOFOB

Дата направления статьи в редакцию:

23-02-2023

Дата публикации:

02-03-2023

Аннотация: Статья привлекает внимание к актуальной и новой теме определения институционального статуса Национальной армии в государственно-политической системе Таджикистана. Интерес вызывает позиционирование института армии в совокупности политических институтов государства и общества, его эволюция в процессе деполитизации силовых структур. Установлено, что институт армии Таджикистана эволюционировал из политического института времен гражданской войны в инструмент политики властей мирного времени, а собственно силовая составляющая эффективности не в полной мере соответствует уровню внешних угроз. 30 лет назад 23 февраля 1993 года родились вооруженные силы (далее будем использовать термин – армия) независимого Таджикистана. К юбилейной дате публикуются выступления президента, политических и военных деятелей, ученых, раскрывающих выдающуюся роль армии в спасении государства в тяжелые годы жестокого политического и военного противостояния светских патриотических и исламистских сил. Однако тема связи армии и политики, роли армии в политике не находится в фокусе интереса

научного сообщества Таджикистана, хотя обращение к этой проблематике актуально в свете быстрых и опасных изменений военно-политической обстановки в мире и центральноазиатском регионе. Эти обстоятельства определили исследовательский вопрос о статусе армии Таджикистана - это политический институт или инструмент политики, а также цель и задачи публикации - раскрыть условия и процесс институализации армии Таджикистана, ее функции и состояние как института государства и общества.

Ключевые слова:

Таджикистан, армия, армия как институт, политические институты, деполитизация, вооруженные силы, политический режим, политический процесс, политика, государство

30 лет назад 23 февраля 1993 года родились вооруженные силы (далее будем использовать термин - армия) независимого Таджикистана. К юбилейной дате публикуются выступления президента, политических и военных деятелей, ученых, раскрывающих выдающуюся роль армии в спасении государства в тяжелые годы жестокого политического и военного противостояния светских патриотических и исламистских сил. Однако тема связи армии и политики, роли армии в политике не находится в фокусе интереса научного сообщества Таджикистана, хотя обращение к этой проблематике актуально в свете быстрых и опасных изменений военно-политической обстановки в мире и центральноазиатском регионе.

Эти обстоятельства определили исследовательский вопрос о статусе армии Таджикистана - это политический институт или инструмент политики, а также цель и задачи публикации - раскрыть условия и процесс институализации армии Таджикистана, ее функции и состояние как института государства и общества. Решая исследовательские задачи, будем следовать рекомендации К.Ю. Колесниченко, предложившего два уровня осмысления роли армии в политике: первый, теоретический уровень, изучение совокупности взглядов на роль и место армии в различных политических режимах; второй - анализ реально существующего положения и роли вооруженных сил в политических процессах [\[13, 6\]](#).

В научной литературе представлены как минимум три точки зрения: армия является политическим институтом, субъектом политики, неотъемлемым элементом политической системы; армия - объект и инструмент политики; армия вне или над политикой. И сторонники каждой точки зрения правы - аргументы справедливы в зависимости от конкретной страны, ее политической истории и позиции армии в политике и обществе. К.Ю. Колесниченко пишет, что в теории армия вместе с государством относятся к институциональной подсистеме политической системы, при определенных условиях может «приобретать качества самостоятельного политического института, обладая потенциалом вносить качественные изменения в политической системе» [\[13, 16\]](#). Обобщенные теоретические аргументы сводятся к следующим тезисам: армия создается, совершенствуется, управляется политическими решениями государства (ядра политической системы); она участник политической жизни страны, взаимодействует с органами власти, другими институтами политической системы общества, является инструментом достижения политических целей, в которых реализуются политические функции силовыми средствами.

Действительно, любая армия исторически является государственным институтом,

следовательно, и институтом политической системы общества в котором институты государства являются системообразующими. В одних странах армия является институтом, который участвует в принятии и реализации политических решений, в других - армия применяется как силовой, но политически нейтральный инструмент государства, что считается признаком демократического государства. Между ними большой список стран, в которых армии в разной степени влияния участвуют в политике, являются опорой политических режимов или находятся под контролем (разной глубины, жесткости и форм) власти, общества [\[11, 12\]](#).

В годы существования СССР политическая система советского общества вовлекала военнослужащих в политическую жизнь, организовывала взаимодействие армии с институтами политической системы. Это взаимодействие организовывалось военно-политическими органами, организациями КПСС и ВЛКСМ как штатных структур частей и подразделений. Научно-идеологическое обеспечение этого политического института фундировалось теорией марксизма-ленинизма, объясняющей политическое положение армии как вооруженной силы трудового народа в классовой борьбе. Правда, в Конституции СССР в главе 1. Политическая система, где перечислены ее основные институты, армия не упоминается [\[6\]](#).

После распада СССР одну из первых попыток осмыслить возникшие между армией и новой властью отношения сделал военный ученый В.М. Родачин, полагая, что от них «зависят характер развития и устойчивость общественно-политического строя». Он определил роль армии как гаранта стабильности политической власти при сохранении характера специфического политического института в условиях деполитизации. Процесс постсоветской деполитизации армии, по мнению В.М. Родачина – это не изоляция армии от политики, просто теперь она не является институтом и самостоятельным субъектом политики [\[16, 13\]](#). В его логике армия - элемент государства и политической системы общества, это политический институт, выполняющий политические функции в жизни страны, обеспечивающие политическую стабильность «неучастием в политической борьбе», «отсутствием партийных симпатий и антипатий» [\[16, 12\]](#).

В СССР деполитизация института армии стартовала 24-29 августа 1991 года с указа президента М. Горбачева, упразднившего военно-политические органы ВС СССР [\[7\]](#), вслед были упразднены армейские организации КПСС и ВЛКСМ, хотя союзное законодательство не предусматривало институциональной, кадровой деполитизации и департизации силовых структур [\[9, 120\]](#). По мнению Е.И. Волгина в эти годы произошла не столько деполитизация, сколько деинституционализация армии СССР и России, ставших «составной частью общей стратегии борьбы за власть» [\[9, 130\]](#). Спустя годы армия России одержала победы в контртеррористических операциях в Северо-Кавказском регионе, в спецоперации по принуждению к миру в Грузии, при выполнении специальных задач на территории Сирии. Эти победы и всенародная поддержка армии в специальной военной операции на Украине вновь институализировали армию как важнейшего политического института, решающего политические задачи военными средствами.

Мощными политическими институтами являются армии Китая и Пакистана. В этих странах армия исторически сложилась как авторитетный национальный институт, обладающий огромным политическим весом и влиянием в государстве и обществе. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) – не только системообразующий институт, обеспечивающий внешнюю безопасность страны, но и эффективный инструмент государственной власти, поддерживающий внутривнутриполитическую стабильность. НОАК,

обладая колоссальным политическим весом и влиянием во властных и партийных структурах, является действенным силовым рычагом регулирования внешнеполитических и внутренних политических процессов. Это престижный социальный институт, своеобразный карьерный трамплин для всех слоев общества. Такой статус обеспечивается безраздельным руководством НОАК со стороны Центрального военного совета ЦК КПК, председатель которого выполняет функции Верховного главнокомандующего всеми вооруженными структурами страны. Хотя, как отмечают эксперты, «происходит определенное разделение на институциональном уровне военной и политической иерархии», а профессионализация военной службы приводит «к частичному освобождению вооружённых сил от излишне плотной партийно-политической опеки» [\[17, 24\]](#).

Со дня возникновения независимого Пакистана его армия значительно влияла на ход внутривнутриполитических событий. Высшие армейские элиты четырежды выходили на политическую авансцену страны и брали власть в свои руки [\[15, 324\]](#). В годы правления военного режима генерала М. Зия уль-Хака (1977–1988 гг.) политическая роль военных в пакистанском обществе существенно возросла, военные открыто управляли страной, на армию возлагалась миссия реформирования пакистанского общества в рамках программы исламизации страны. В период правления генерала П. Мушаррафа (1999–2008 гг.) участие военных в политике было замаскировано определенной «демократической ширмой», при генерале А.П. Кияни была выработана новая модель взаимоотношения военных с гражданской властью - роль политического арбитра, не допускавшая какой-либо неконституционной смены власти [\[10, 162\]](#). Однако и после этого недовольная курсом сближения страны с Россией армейская верхушка оказала мощное политическое давление на Национальную ассамблею, добиваясь отставки премьер-министра Имран Хана. После его отставки начальник штаба Сухопутных войск Пакистана К.Дж. Баджва в ноябре 2022 года заявил «После долгих раздумий армия приняла решение, что никогда не будет вмешиваться в политический процесс» [\[19\]](#). Однако армия как военно-политический институт пакистанского общества, военные элиты представляют собой самую влиятельную институализированную социальную группу, «определяющую не только основные принципы в сфере обороны и безопасности, но и приоритеты во внешней политике страны. Генералитет является и ключевым актором во внутривнутриполитическом процессе» [\[14\]](#).

Институт армии Таджикистана формировался с момента объявления независимости в совершенно иных внутривнутриполитических условиях, при отсутствии собственных регулярных воинских формирований, какого-либо самостоятельного опыта военного строительства, специалистов, кроме незначительного числа кадровых офицеров-таджиков Советской Армии. В разгар гражданской войны состоялась XVI сессия Верховного Совета республики (16.11–02.12 1992 года), принявшая исторические решения по укреплению основ государственности.

Уже 18 декабря 1992 года вышел Указ Президиума Верховного Совета «О создании Вооруженных Сил Республики Таджикистан», с которого началось формирование Национальной армии. Ее кадровую основу составили бойцы Народного фронта, коммунисты, беспартийные активисты и другие силы, поддерживающие светское, конституционное правительство. Военное строительство началось с объединения отдельных повстанческих и ополченческих отрядов Народного фронта в регулярные части Национальной армии и сопровождалось ее институционализацией в обществе через победы в тяжелых боях, общественное признание заслуг в сохранении единого,

светского государства и жизней десятков тысяч граждан, повышение боеспособности, обеспеченного передачей военной техники, боевого опыта российскими военнослужащими 201-й Гатчинской дважды Краснознамённой мотострелковой дивизии (с 2004 года – 201-й российской военной базы).

23 февраля 1993 года состоялся первый военный парад, и эта дата официально празднуется как День создания Национальной армии Таджикистана [18]. Законодательное оформление института армии продолжилось с принятием закона 25 июня 1993 года «О Вооруженных Силах Республики Таджикистан» [1, Ст.2]. На начальном этапе гражданской войны 1992-1997 годах армия Таджикистана фактически приобрела признаки субъекта политического процесса: определяла, кому быть в органах центральной власти, принуждала оружием военно-политические структуры Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) к миру, была действенным инструментом управления еще политически разобщенного общества.

С 1997 года после победы Народного фронта и подписания Соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане в штабы армейских соединений и штаты подразделений в соответствии с соглашением поступили на службу несколько тысяч бывших полевых командиров и боевиков отрядов ОТО. Они в своем большинстве оставались идейными исламистами-антикоммунистами, политическими врагами секулярной власти и левоцентристского правительства. Вот здесь и были задействованы конституционно-правовые механизмы деполитизации армии как силового инструмента государства, а не внутренне конфликтной вооруженной силы, участвующей или влияющей на исход борьбы за власть. Армия была исключена из управления обществом, ее функции сосредоточились на защите страны от военной опасности извне и борьбе с внутренними экстремистами, мятежниками. Так реализовывалась модель взаимодействия армии с политической системой демократического общества.

При изучении законодательства, правовой практики органов власти Таджикистана, обнаруживаются следующие механизмы деполитизации армии и других силовых структур: регламентация Конституцией и законами предназначения, комплектования и способов применения армии в мирное и военное время [3, Ст.7, 11],[4, 8]; реализация принципов безусловного подчинения армии исполнительным, законодательным, судебным органам государственной власти; правовое запрещение деятельности в армии политических партий и движений [3, Ст.7, 17],[1, Ст.12]; жесткий правовой, контрразведывательный, отчасти – парламентский контроль за деятельностью армии [1, Ст.13]; ограничение политических прав и свобод военнослужащих (за исключением избирательных), возможности участвовать в политической деятельности [2, Ст.7, Ст.8.1]; отбор на ключевые должности офицерских кадров лояльных власти, режиму; увольнение с воинской службы, ликвидация мятежных военнослужащих, выступающих с оружием против власти; воинское, морально политическое воспитание личного состава, устраняющее влияние негосударственных структур и партийно-политических сил. Эти меры исключили самостоятельную политическую активность руководства армии, обеспечили монопольное господство государства над армией и внутри нее.

В этих условиях постепенно формировалась военная элита из высших офицеров, обучавшаяся в военных академиях России и ставшая ядром нового армейского института. В последние годы в рамках «многовекторной» внешней политики таджикские офицеры и курсанты обучаются в военных академиях Азербайджана, Казахстана, Индии, Китая, Пакистана, Чехии и ряда других западных стран. В

функционировании института армии заметны и кадровые перекосы - почти все высшие командные должности в Минобороны, других силовых структурах замещали представители кланов-авлодов из Хатлонской области.

Дангаринский авлод: Э. Рахмон, президент и главнокомандующий, Х. Шарипов, министр МВД (1996-2006 гг.), Ш. Хайруллоев, министр обороны (1995-2013 гг.), С. Касымов, командир бригады спецназа ВВ МВД (1994-2007 гг.), Х. Абдурахимов, министр безопасности (в 1999-2006 гг.), председатель ГКНТ (2006-2010 гг.). Пархорский и другие авлоды области: Г. Мирзоев, командующий Президентской гвардией (1999-2005 гг.), Г. Авзалов, министр безопасности (1999-2006 гг.), председатель ГКНБ (2006-2010 гг.), С. Ятимов, председатель ГКНБ (2010-н.в.), Р. Рахимзода, министр внутренних дел (2012-н.в.), Ш. Мирзо, министр обороны (2013-н.в.).

Непростые регионально-клановые отношения в Таджикистане и кадровые перекосы не могут не отражаться на эффективности функционирования армейского института, которая оценивается уровнем подготовки и боеспособности войск, вооружения и военно-технического оснащения, морально-психологическим состоянием и дисциплиной личного состава и рядом других показателей эффективности. Ошибки в кадровой политике привели и к ряду вооруженных мятежей. Еще в 1996-1998 годы полковник, командир бригады Минобороны Таджикистана М. Худойбердыев, бывший влиятельный командир Народного фронта, трижды предпринимал попытки мятежей, чтобы свергнуть власть в Душанбе, а в ноябре 1998 года захватил на время Худжанд, объявив властью «Движение за справедливый мир в Таджикистане». В апреле-сентябре 2015 года мятежи возглавили бывшие полевые командиры ОТО. Сначала полковник МВД Таджикистана Г. Халимов, выступив с оружием против правительства, перешел на сторону запрещенной группировки «Исламское государство», стал одним из ее военных руководителей, затем генерал-майор А.М. Назарзода, заместитель министра обороны, поднял мятеж и был убит при его подавлении. После этих событий в кадрах нынешних армии почти не осталось ни бывших боевиков, ни офицеров-участников Народного фронта, имеющих реальный боевой опыт.

Эксперты признают, что уровень боеспособности, состояния боевой техники и вооружения, ее количество и номенклатура не соответствуют нарастающим вызовам и трансграничным угрозам со стороны Исламского эмирата Афганистан (ИЭА). Институт армии, как известно, «слепок» общества. Армия Таджикистана комплектуется по призыву гражданами, различающимися по образованию, мировоззрению, степени лояльности к политическому режиму, власти и отношению к воинской службе. Негативное отношение к службе, которая не считается общественно престижной, низкое политико-моральное состояние личного состава армии вызывают тревогу.

Руководству Минобороны долгие годы не удастся поднять уровень дисциплины, навести порядок с материально-техническим, бытовым обеспечением войск. Проблема комплектования армии из-за уклонения призывников не решается многие годы: плохие бытовые условия, распространение неуставных взаимоотношений приводят к массовому уклонению от военной службы, поэтому сотрудники военных комиссариатов используют силовые меры призыва («отлов» призывников), что подрывает авторитет армейской службы [\[12\]](#). В феврале 2015 года президент Э. Рахмон утвердил новую Концепцию политико-воспитательной работы в вооруженных силах страны. Концепция приводит в систему политическую подготовку, кадровую работу, морально-духовное воспитание личного состава, меры государственной политики по повышению статуса и авторитета армии в обществе [\[5\]](#).

Определенные положительные сдвиги произошли в мобилизационной подготовке. 22 июля 2021 года впервые в истории Таджикистана по приказу Э. Рахмона были подняты по тревоге для проведения войсковых учений «Марз -2021» все военнослужащие, а также граждане, пребывающие в мобилизационном резерве (всего 230 тыс. человек). Учения показали, что при нависшей внешней угрозе обычные таджикистанцы умеют объединиться с армией в едином строю. Это необходимые меры по сплочению армии, власти и общества перед военной опасностью, исходящей от вооруженных группировок Талибана, превосходящих армию Таджикистана по боевому опыту, а также по численности и вооружениям – в десятки раз. Власти, армия и большинство народа по-прежнему связывают гарантии безопасности Таджикистана со сдерживающим боевым потенциалом 201-й военной базы России и Коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ [8].

В реалиях Таджикистана сложно отнести армию к политическому институту, то есть к структуре, где принимаются политические решения. Текущий институциональный статус армии не претендует на значимое положение среди системных политических институтов. В отличие от Китая и Пакистана армия Таджикистана не имеет такого политического веса и авторитета в обществе. Армия – не политический институт, а объект политики, он не связан с непосредственной деятельностью партийно-политических сил общества и полностью деполитизирован. Перед армией Таджикистана стоят только военные задачи, ее внутривнутриполитическое участие ограничивается подавлением мятежных выступлений, провокаций экстремистов и локализацией приграничных стычек с Киргизстаном. Эффективность института армии Таджикистана достаточна как инструмент внутренней политики, но не как инструмент современной войны. Его развитие возможно в тесном сотрудничестве с ОДКБ и в рамках двусторонних военно-технических отношений с Россией. Только тогда армия Таджикистана станет главным фактором и гарантом военной безопасности государства и устойчивости политической власти.

Библиография

1. О Вооруженных Силах Республики Таджикистан : закон Республики Таджикистан от 25.06. 1993 г. : закон РТ в ред . закона РТ от 26.07.2014 г. № 1099 // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан, 1993 г., № 14, ст. 285.;
2. О статусе военнослужащих : закон РТ от 1.03. 2005 г. № 90. : офиц. текст // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2005 г., №3, ст. 130.;
3. Об обороне : закон Республики Таджикистан от 4.11. 1995 г., № 208 : офиц. текст в ред. закона от 08.06.2022. №1875.;
4. Военная доктрина Республики Таджикистан Утверждена Постановлением Маджлиси Намояндагон Мадждиси Оли Республики Таджикистан от 3.10. 2005 г. №103. – 13 с.;
5. Концепция политико-воспитательной работы в Вооруженных Силах Республики Таджикистан. Утверждена Указом президента Республики Таджикистан 20.02. 2015 г. №369.;
6. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (в ред. закона СССР от 26.12. 1990 г. № 86-1., прекратила действие). Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/977/red_977/549448/. (дата обращения : 16.01.2023).;
7. Об упразднении военно-политических органов в Вооруженных силах СССР, войсках Комитета государственной безопасности СССР, внутренних войсках Министерства внутренних дел СССР : указ президента СССР от 29.08. 1991 г. N УП-2488. [Сайт].

- Режим доступа: <https://base.garant.ru/6334637/>. (дата обращения : 19.01.2023).;
8. Абдулло Р.Г. ОДКБ – гарант безопасности Таджикистана? / ИА Кабар Азия. Режим доступа: <http://cabar.asia>. <https://cabar.asia/ru/cabar-asia-odkb-garant-bezopasnosti-tadzhikistana>. (дата обращения : 08.02.2023).;
 9. Волгин Е. И. Проблема деполитизации вооруженных сил и правоохранительных органов СССР и РСФСР — РФ в начале 1990-х годов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество), 2018.-№ 2. – С. 113-134.;
 10. Воробьев В. В. Роль армии в современном Пакистане // Вестник МГИМО- Университета, 2014.-№ 3(36). – С. 156-164.;
 11. Зырянов А. В. Вооруженные силы как элемент и фактор государственно- политической системы (международный опыт) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения, 2022.-Т. 8.-№ 3.-С. 5—15.;
 12. Камари А. IWPR Tajikistan: Таджикскую армию продолжают пополнять принудительно/ ИА Кабар Азия. [Сайт]. Режим доступа: <http://cabar.asia/ru/iwpr-tajikistan-tadzhikskuyu-armiyu-prodolzhayut-popolnyat-prinuditelno/> (дата обращения : 08.02.2023).;
 13. Колесниченко К. Ю. Армия и политика: теория и практика прикладного политического анализа : монография / К.Ю. Колесниченко. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. – 144 с.;
 14. Макаревич Г. Г. Генералы уходят, армия остается: политический контекст новых назначений в военном командовании Пакистана // ИМЭМО РАН, 27.11.2022. [Сайт]. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/generals-leave-army-stays-the-political-context-of-new-appointments-in-pakistans-military-command>. (дата обращения : 11.02.2023).;
 15. Москаленко В. Н. Политическая роль пакистанской армии : сборник статей / Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / отв. ред. В. М. Ахмедов.-М. : ИИИиБВ, 2002. – 400 с.;
 16. Родачин В. М. Армия и политическая власть // Военная мысль, 1993,-№ 5.-С. 12-19.;
 17. Роль Народно-Освободительной Армии в общественно-политической системе Китая. Китайская военная мощь как новый фактор мировой политики // Отв. ред. А. А. Кривопапов – М. : Научный эксперт, 2016. – 112 с.;
 18. Саидзода М. Военная реформа в Вооруженных Силах страны продолжается : интервью министра обороны Таджикистана Ш: Мирзо // НИАТ «Ховар», 23.02.2021. [Сайт]. Режим доступа: <https://tajikistan24.com/sherali-mirzo-voennaja-reforma-v-vooruzhennyh-silah-strany-prodolzhaetsja-ministr-oborony-tadzhikistana-otvetil-na-voprosy-korrespondenta-niat-hovar/>. (дата обращения : 01.02.2023).;
 19. In his last public address, COAS Bajwa slams anti-army narrative, asks political stakeholders to move forward // Dawn, Pakistan daily newspaper, 23. 2022. [Сайт]. Режим доступа: <https://www.dawn.com/news/722654>. (дата обращения : 09.02.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования являются институциональные формы вовлечения/дистанцирования армии от политики на примере институционального статуса

вооружённых сил современного Таджикистана. Автор вполне справедливо указывает на лакуны в исследованиях процессов и форм институционализации (не)участия армии в политике, что, несомненно, теоретическую актуальность рецензируемой работы. Практическая значимость статьи обусловлена множеством наблюдаемых в различных странах фактов использования армий в качестве инструмента политики, а также необходимостью разграничения сфер ответственности политической и оборонной подсистем общества. К сожалению, автор, вполне корректно поставив научную задачу и обосновав актуальность её решения, пренебрёг обязанностью аргументировать собственный теоретико-методологический выбор. Однако из контекста можно понять, что кроме традиционных общенаучных аналитических методов использовались институциональный и исторический методы, а также некоторые элементы системного анализа. При изучении нормативных актов, определяющих институциональный статус вооружённых сил Таджикистана, применялся также контент-анализ. Вполне корректное (несмотря на некоторые погрешности, например: в научной работе выражения «Эксперты признают, что...» принято сопровождать соответствующими ссылками на опубликованные экспертные заключения) использование указанной методологии автору удалось получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, саму тему институциональных форм (не)участия армии в политике Таджикистана следует признать достаточно новаторской. Не меньший интерес представляет общее заключение автора о деполитизированном статусе вооружённых сил Таджикистана, что существенно отличает их от армий Китая и Пакистана. Любопытен также несколько парадоксальный вывод автора о том, что участие армии Таджикистана во внутренней политике «ограничивается подавлением мятежных выступлений, провокаций экстремистов и локализацией приграничных стычек с Киргизстаном». Разве это не является непосредственной вовлечённостью армии в политику? Да, прецедентов участия армии Таджикистана в военных переворотах (каковые мы много раз видели в странах Латинской Америки) мы пока не знаем. Однако это не означает полностью деполитизированного статуса армии. Тем не менее, несмотря на некоторые разногласия с автором, рецензент полагает необходимым обсуждение в научном сообществе полученных в рецензируемой работе результатов, для чего статью необходимо опубликовать. В структурном плане статья не вызывает особых нареканий: несмотря на отсутствие рубрикации, логика текста последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Стилистически статью также можно квалифицировать в качестве научной работы. В тексте иногда встречаются довольно редкие стилистические (например, четырёхкратное повторение слова «является» в трёх предложениях четвёртого абзаца текста; собственно, и само название статьи «К вопросу о...» сегодня не считается стилистически удачным) и грамматические (например, несогласованное предложение «...В теории армия вместе с государством относятся к институциональной подсистеме политической системы, при определённых условиях может...»; или пропущенная запятая перед придаточным предложением «...Армия... является ... институтом политической системы общества в котором институты государства являются системообразующими...»; и др.) погрешности, однако в целом он написан достаточно грамотно, хорошим научным языком, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 19 наименований и в достаточной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи, хотя и могла бы быть существенно усилена за счёт большего использования источников на иностранных языках. На будущее автору можно порекомендовать в качестве кейсов для сравнения с Таджикистаном взять некоторые страны Латинской Америки (например, Бразилию, Аргентину, Чили и Уругвай). Это позволит получить новые результаты. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении основных трактовок институционального

статуса вооружённых сил в разных странах.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут представлять интерес для политологов, политических социологов, специалистов в области государственного строительства, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.